
УДК 94(497.5)

Беляков Сергей Станиславович

канд. истор. наук, доцент кафедры регионоведения
Гуманитарного ун-та, заместитель главного редактора
журнала «Урал» (г. Екатеринбург)

Sergey S. Belyakov

Candidate of History,
Associate Professor at Area Studies Chair,
Liberal Arts University/University for Humanities,
Deputy Editor-in-Chief of the «Ural» Magazine,
Ekaterinburg

**ХОРВАТСКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ
УТОПИЯ В ИДЕОЛОГИИ
УСТАШСКОГО ДВИЖЕНИЯ**

**CROATIAN PEASANT UTOPIA IN THE
IDEOLOGY OF USTASHI MOVEMENT**

Аннотация

Статья посвящена изучению идеологии хорватского национализма конца 1920-х – 1930–40-х годов. В тот период хорватский национализм ориентировался преимущественно на сельское население. Отсюда и ориентация социально-экономической программы на хорватское крестьянство. Основное внимание в исследовании уделяется публицистическим сочинениям известного хорватского писателя Миле Будака. Именно Будак заложил основы программы Усташского движения в решении крестьянского вопроса. В то же время идеи, разработанные Будаком и лидером усташей Анте Павеличем, никогда не были воплощены в реальность.

Ключевые слова: хорваты, крестьянство, идеология, национализм, аграризм, усташы, партия, движение.

Abstract

The paper studies the ideology of Croatian nationalism of the late 1920's – 1930's and 40's. At that time, Croat nationalism oriented mainly in rural areas. Hence the orientation of social and economic programs in the Croatian peasantry. The focus of the research is given to the writings of famous Croatian writer Mile Budak. That laid the foundation for the program of Budak Ustashi movement in addressing the peasant question. At the same time, the ideas developed by Budak and Ustashi leader Ante Pavelic were never put into reality.

Keywords: croats, the peasantry, ideology, nationalism, agrarianism, Ustashi, party, movement.

Формирование националистического массового движения в хорватских землях Югославии относится к 1920-м гг., когда значительную часть населения страны составляли крестьяне. Социальная структура хорватского общества обусловила многие особенности хорватского национализма 1920–30-х гг., когда роль ведущей хорватской политической партии, объединившей большую часть хорватского электората королевской Югославии, перешла к Хорватской крестьянской партии (ХКП).

Гибель лидера ХКП Степана Радича, убитого в Скупщине в июне 1928 г. сербским депутатом, повлекла за собой стремительную радикализацию хорватского национального движения, на первые роли в котором стали выдвигаться политики, способные не останавливаться перед любыми средствами во имя достижения высшей цели – создания хорватского национального государства. В числе таких политиков оказались секретарь Хорватской партии права Анте Павелич, эмигрировавший в январе 1929 г. В эмиграции Павелич создал Хорватскую усташскую (повстанческую) организацию, вскоре переименованную в Усташское движение. Первоначально усташы не имели собственной социально-экономической программы и даже не поднимали вопрос о социально-экономическом устройстве будущего хорватского государства. Связано это было, как мы уже отмечали, с тем, что данная проблема, равно как и проблема политического устройства, рассматривалась усташами как второстепенная в сравнении с основной задачей Усташского движения – борьбой за создание независимого хорватского национального государства.

Немалую роль в разработке этой программы сыграл известный хорватский писатель Миле Будак, прежде близкий к ХКП.

В Архиве Военно-исторического института, в фонде НГХ, хранится его сочинение, озаглавленное «Некоторые мысли об устройстве свободного и независимого хорватского государства» [1].

Будак начинает свое сочинение с критики своих товарищей, оставляющих без внимания вопрос о будущем устройстве хорватского государства. Да, прежде всего следует завоевать «свободу для нации и государства», но это не значит, что не следует уже сейчас задуматься об устройстве будущего государства: «...всякий разумный человек, прежде чем строить здание, начертит его план в своей голове» [1. С. 367]. Миле Будак, известный сторонник традиционных хорватских (в первую очередь – крестьянских) ценностей, полагал, что Хорватии следует идти тем путем, «который указывают прошлое и настоящее хорватского народа и его образ жизни». А поскольку значительную часть хорватского населения составляет крестьянство и «можно утверждать, что наше хорватское Отечество... есть не что иное, как совокупность крестьянских хозяйств», а рабочие, горожане (торговцы и ремесленники) и интеллектуалы (если только они действительно хорваты, а не «чужеземцы») – также недавние выходцы из деревни и, следовательно, во многом сохранили деревенский менталитет, то и будущее хорватское государство должно быть в первую очередь государством крестьянским [1. С. 368, 369].

Будак решительно критикует и коммунизм, и капитализм не только за то, что оба общественных строя представляют собой «два... вида рабства для человеческой души», но и за то, что коммунизм и капитализм «одинаково далеки от души хорватского народа, чужды ей». Коммунизм и капитализм делают человека рабом чужой воли: «Разница лишь в том, что какого-нибудь Рокфеллера или Штерна заменит какой-нибудь Троцкий, который прежде звался Бронштейном» [1. С. 368]. Хорватское крестьянское государство должно быть равно далеким и от коммунизма, и от капитализма.

«Крестьянский народ – крестьянское государство... это наш подлинный идеал», – писал Будак [1. С. 369]. Для создания такого государства необходим целый ряд преобразований. На первое место Будак ставил, естественно, земельную реформу, которая одновременно стала бы реформой административно-территориального устройства. Цель реформы – возрождение и укрепление задруги, большесемейной общины, одного из столпов традиционного уклада жизни хорватского (и, кстати, сербского) народа. Задруга («совокупность домочадцев, которые принадлежат к одному [семейному] очагу») должна была стать единственным собственником земли. Задружную землю запрещалось бы продавать, делить, дабы не нанести вред хозяйству задруги, не подорвать его. Свободные крестьянские хозяйства, защищенные принципом задружной собственности, составляли бы сельские общины. Управление в этих общинах было бы возложено на самих сельских хозяев и на взрослых членов их семей. Несколько сельских общин должны были составлять котор, а несколько которов – жупанию. Все хорватское государство должно было быть разделено на эти жупании. На всех уровнях, от общин до жупаний, власть должна была принадлежать не государственным чиновникам, а органам местного самоуправления. Таким образом, достигался желанный идеал: задруга гарантировала бы достаток, не допускала обеднения и обезземеливания крестьян, а развитие широкой системы местного самоуправления, по мнению Будака, означало бы, что власть принадлежит непосредственно хорватским крестьянам [1. С. 370].

Еще более оригинальной должна была быть реформа торговли. Будак понимал, что возрождение натурального хозяйства в XX в. невозможно. Но и сохранять положение, при котором торговля находится не в руках хорватского крестьянина, а в руках «спекулянтов», нельзя. Поэтому Будак предложил иметь в каждой общине задругу, занимающуюся торговлей и обменом. «Все сельские задруги состоят в общинном, общинные – в жупанийском, а последние – в государственном союзе, и, таким образом, каждая задруга состоит под надзором союза и государства» [1. С. 371]. Такая система должна была исключить спекуляцию. Кроме того, Будак предлагал целый ряд реформ, которые не были прописаны столь подробно: от реформы законодательной (в основу законодательства хорватского государства должны быть положены полузабытые принципы хорватского обычного права) до введения обязательного ношения традиционной хорватской одежды [1. С. 373–376].

Нельзя сказать, что программа Будака была чем-либо новым, из ряда вон выходящим. В сущности, это был вариант (правда, довольно-таки радикальный) аграризма, осо-

бого идейного течения конца XIX – начала XX в., ставшего своеобразным ответом аграрного общества на вызов модернизации. Сторонникам этой идеологии представлялось, что сохранение и развитие сельских патриархальных отношений, распространение их на все общество, переустройство государства с учетом интересов сельской общины способны преодолеть противоречия современного общества, позволят избежать как социальных пороков капитализма, так и социалистического соблазна. Интересно, что еще в конце XIX в. в идеологии сербской Народной радикальной партии появилась концепция «народного государства», в ряде положений перекликавшаяся с программой М. Будака [2. С. 291–322]. Перекликается программа Будака и с идеей «крестьянской республики», являвшейся составной частью идеологии ХКП. Это не удивительно: М. Будака в 1929–1932 гг. поддерживал хорошие связи с руководством этой партии, в том числе и лично с В. Мачеком, ставшим ее лидером после гибели С. Радича.

Крестьянская утопия Будака, разумеется, не была осуществлена, но определенное влияние на других усташских идеологов, в том числе на Павелича, взгляды Будака все же оказали. Двенадцатый и шестнадцатый «усташские принципы», разработанные Павеличем и ставшие основой идеологии усташства («крестьянство – основа государства», «источник хорватской силы и прогресса»), почти буквально повторяют идеи, высказанные Будаком: «Крестьянство – основа и источник всякой жизни, а потому и подлинный носитель всякой власти в хорватском государстве. И помимо того, все слои хорватского народа, составляющие единое народное целое... имеют не только [крестьянские] корни и происхождение, но и прочную семейную связь с селом. Тот, кто в Хорватии не происходит из крестьянской семьи, тот в девяноста случаях из ста не хорватского происхождения, не хорватской крови, а пришелец-иноземец <...> Ремесла, домашнее рукоделие и торговля должны быть помощниками в... крестьянском и народном хозяйстве. Эти сферы жизни должны стать областью частной деятельности и источником достойной жизни... а не способом накопления народной собственности в руках капиталистов» [3]. 13 декабря 1933 г. Главный усташский штаб (фактически, сам Павелич) издал специальное распоряжение, в котором говорилось, что Усташское движение – это настоящее «крестьянское движение, потому что усташа – крестьяне и крестьянские сыны, и смысл Усташского движения в том, чтобы в свободном хорватском государстве правил не кто иной, как крестьяне, объединенные в усташскую организацию» [4. С. 93]. В листовке, распространявшейся от имени Павелича в 1937 г. в хорватских землях Югославии, вновь прозвучала сформулированная Будаком идея о том, что хорватский народ состоит из крестьянства, представители же других слоев общества также имеют крестьянские корни, если только они действительно хорваты, а не чужеземцы [5].

Этот «усташский аграризм» был обусловлен рядом обстоятельств. Крестьянство в межвоенный период оставалось самой многочисленной категорией хорватского населения, хорватский рабочий класс также в значительной степени сохранял связь с деревней. Крестьянство служило главной опорой Хорватской крестьянской партии, объединившей едва ли не весь хорватский народ для борьбы с Белградом. Наконец, основой социальной базы усташей было опять-таки крестьянство: в 1930-х гг. более 70 процентов усташей-эмигрантов (сколько-нибудь надежных данных о численности и социальном составе усташей в Югославии не существует) происходило из крестьян (к их числу относились и сезонные рабочие, завербованные в Бельгии, в Италии или в США, тоже крестьяне по происхождению) [6]. Крестьянское происхождение имели и многие усташские лидеры, А. Павелич был внуком крестьянина, М. Будака – крестьянским сыном.

Усташа и после создания Независимого государства Хорватия (апрель 1941 г.) продолжали активно использовать прокрестьянскую риторику. Павелич в радиообращениях к хорватскому народу (пятого, седьмого и восьмого апреля 1941 г.) говорил о «хорватском крестьянском народе» и обещал, что только этот «крестьянский народ» и будет править в независимом хорватском государстве. С. Кватерник, еще будучи «исполняющим обязанности» Поглавника (вождя, фюрера), обратился к хорватскому крестьянству. Он отметил будто бы решающий вклад крестьянства в борьбу за создание НГХ и выразил уверенность в том, что хорватское крестьянство станет твердым фундаментом, на котором будет стоять хорватское государство [4. С. 134]. В своем майском выступлении на площади св. Марка (21 мая 1941 г.) Павелич обещал, что хорватское государство будет служить исключительно интересам хорватских крестьян и рабочих, что в нем не будет ни

богатых, ни бедных. «Крестьянский народ» Павелич вновь назвал «носителем всей власти в хорватском государстве». «Плуг и борона – хлеб хорвату, а усташи его защита», – провозгласил Павелич усташский лозунг [7. С. 37]. В своем послании к Хорватскому государственному сабору Павелич обращал внимание делегатов на то, что им предстоит «создать такой внутренний порядок в нашем Независимом государстве Хорватия, чтобы оно... было настоящим домом для хорватского крестьянина <...> Мы крестьянский народ» [4. С. 228–229]. Д. Црлен в своем подробнейшем комментарии к «Усташским принципам» уделил много места восхвалению «созидательной энергии» хорватского крестьянина, называя его «хранителем народного духа и государственности», повторяя тезис о крестьянском происхождении всех истинных хорватов [4. С. 84]. В усташском «Уложении» говорилось о том, что, поскольку крестьянство составляет большую часть населения, Усташское движение действует прежде всего во имя его интересов, не забывая, однако, интересы других классов [4. С. 277–278]. А. Бонифачич утверждал, что «хорватское крестьянство воплощает собой почву и чистоту крови» [8. С. 24].

Однако о существовании в усташской идеологии четкой, хорошо разработанной концепции «крестьянского государства» говорить не приходится. Утопическая теория Будака не стала официально принятой. Павелич лишь использовал привлекательные лозунги, апеллировал к хорватскому традиционализму, однако для проведения решительных преобразований, которые превратили бы НГХ в «крестьянскую республику», у правителей НГХ не было ни возможности (в стране шла война), ни желания. Патриархальная утопия встретила и противников среди влиятельных усташских функционеров. Иво Богдан в еженедельнике «Спремность», хотя и высказался за сохранение «старых добрых обычаев», посчитал сомнительной идею возрождения задруги, отметив, что успешность развития сельского хозяйства будет зависеть от введения на селе достижений технического прогресса – электрификации, создания современного здравоохранения, строительства школ, кинотеатров и т. д. [9. С. 2]. Публицист Милан Ившич, напротив, защищал задругу, полагая, что именно «задружный дух» может служить надежной основой сильного хорватского государства [10. С. 6]. С симпатией писал о «хорватской республике как объединении свободных крестьянских хозяйств» и Ю. Маканец [11. С. 14]. Сам факт существования чего-то подобного дискуссии или, по крайней мере, несовпадение мнений в государстве, где печать (и в первую очередь издания, подобные «Спремности») находилась под жестким государственным контролем и была призвана обслуживать интересы режима, говорит об отсутствии официальной, догматизированной теории, которая бы определяла место и роль хорватского крестьянства в системе усташского государства. Красивые слова о «крестьянском государстве» не могли ее заменить. НГХ было разделено на жупании, однако власть в жупаниях и которах принадлежала государственным чиновникам и усташским функционерам, о широком крестьянском самоуправлении и о введении задружной собственности не было и речи.

Следует помнить, что «Усташские принципы» – первый программный документ, сохранивший в себе не только национальную программу, но и элементы программы социально-экономической, создавался в период системного кризиса капиталистической системы. «Великая депрессия» заставила многих усомниться в ценностях либерального общества. В то же время коммунизм далеко не всем казался приемлемой альтернативой. На повестку дня встал вопрос о поиске некоего «третьего пути». Такой путь виделся Павеличу, Будаку и их окружению в возврате к традиционным, патриархальным ценностям, а также в заимствовании некоторых элементов социалистической (или христианско-социалистической) программы. Тринадцатый усташский принцип гласил: «Все материальные и духовные ценности в хорватском государстве – собственность хорватского народа, и он один имеет право распоряжаться ими и использовать их. Природные богатства хорватского Отечества, в особенности его леса и руды, не могут быть предметом частной торговли. Земля является собственностью того, кто сам со своей семьей ее обрабатывает, то есть крестьянина» [3]. Этот «крестьянский социализм» свидетельствует о родстве не с коммунистической программой, а, скорее, с эклектичной идеологией Хорватской крестьянской партии, сочетавшей социальный католицизм с социалистическими элементами и патриархальными традициями хорватского крестьянства.

Литература

1. Budak M. Nekoliko misli o uređenju slobodne i nezavisne hrvatske države // Krizman B. Ustaše i Treće Reich. Knj. 2. – S. 367–376.
2. Шемякин А. Л. Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). – М., 1998.
3. Ustaša. 1941. Br. 1.
4. Ustaša: Dokumenti o ustaškom pokretu / Priredio P. Požar. Zagreb, 1995.
5. Архив Србији и Црне Горе. Фонд 37 (Фонд Милана Стојадиновића), фасц. 19. Л. 425.
6. Архив Србији и Црне Горе. Фонд 14 (Министарство унутарњих послова, Одељење за државну заштиту), фасц. 27. Л. 600–624.
7. Država seljaka i radnika. Govor Poglavnika 21. svibnja 1941 // Doktor Pavelić riješio Hrvatsko pitanje. – Zagreb, 1942.
8. Bonifačić A. Zwischen Jupiter und Mars: Kroatiens bekenntnis zu Europa.
9. Bogdan I. Hrvatsko selo i napredak // Spremnost. – 1942. – № 23.
10. Ivšić M. Najsavršenja radna zajednica // Spremnost. – 1944. – № 99.
11. Makanec J. Hrvatski vidici: Nacionalno-politicki eseji. – Zagreb, 1944.